
М. Г. Рабинович, С. А. Токарев

**ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И В ПЕРВЫЕ
ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ**

Годы Великой Отечественной войны были для Института этнографии АН СССР, как и для всего советского народа, временем тяжелых испытаний и потерь, упорного труда и больших побед.

К началу войны Институт (организованный как головное этнографическое учреждение в 1933 г. на базе Музея антропологии и этнографии) находился в Ленинграде. В Москве основными научными учреждениями этого профиля были Музей народов СССР, Кафедра этнографии, Кафедра и Институт антропологии МГУ и Антирелигиозный музей.

Нападение гитлеровцев на Советский Союз, блокада Ленинграда и наступление немецко-фашистских полчищ на Москву не прекратили научной деятельности советских этнографов. Но многие ученые покинули кабинеты, чтобы занять свои места в Красной Армии, Народном ополчении, истребительных и рабочих батальонах¹. Вся страна глубоко чтит память павших смертью храбрых в боях с врагом мужественных защитников Ленинграда, Москвы, всей Советской земли. Среди них — и сотрудники Института этнографии, павшие в боях за Родину: Г. Д. Вербов, М. В. Евстратов, А. М. Кукулевич, И. М. Лекомцев, А. В. Мачинский, Н. П. Никульшин, А. А. Савинич, А. Н. Шакуров, К. Н. Шакуров, Н. Б. Шнакенбург. Во время блокады погибли: М. А. Бабкин, Г. Г. Баевич, К. А. Большева, А. Н. Генко, М. В. Гнесина, А. В. Гущина, О. Н. Драмova, Н. П. Дыренкова, В. В. Екимова, В. А. Елкин, Е. В. Жиров, А. Н. Кондауров, А. В. Козлов, А. П. Козловский, Н. Р. Косниковский, О. К. Кузнецова, В. К. Краснодембский, Е. М. Кубиш, Е. А. Курманаев, Н. А. Липская, А. А. Луканина, В. С. Оверко, Г. И. Петров, А. Б. Пиотровский, Г. Н. Прокофьев, К. А. Пушкаревич, С. А. Ратнер-Штернберг, И. И. Сафимов, А. Н. Старикова, Е. Ф. Самсоненко, Н. Н. Тихоницкая, Г. Ш. Шакурова, Е. П. Эмме, А. Н. Юзефович. Светлая память о товарищах, отдавших свою жизнь за Родину, навсегда останется в наших сердцах.

Весь коллектив Института участвовал в строительстве оборонительных рубежей, в противовоздушной обороне. Экспозиция музея была демонтирована, богатейшие музейные коллекции были размещены в безопасных местах².

Блокада Ленинграда, эвакуация значительной части сотрудников в Ташкент, гибель одних ученых и оторванность других от Института по условиям военного времени чрезвычайно осложнили работу. К концу 1942 г. Институт этнографии существовал в составе двух групп: Ташкентской и Ленинградской. Сотрудники последней участвовали в оборо-

¹ См. статью Л. И. Лаврова «В осажденном Ленинграде» в настоящем номере журнала.

² См.: Т. В. Станюкович, Музей антропологии и этнографии за 250 лет, «Сб. Музея антропологии и этнографии» (далее — «Сб. МАЭ»), т. XXII, М.—Л., 1964, стр. 127—133.

и города и занимались охраной музея. Ташкентская группа переживала тяжелый организационный период, особенно трудный в связи с условиями эвакуации. Некоторые ведущие сотрудники оказались в других городах и связь с ними была затруднена.

Между тем неотложные нужды военного времени требовали от этнографической науки решения многих важных задач, выполнить которые могло сильное и дееспособное научное учреждение.

Президиум Академии наук СССР специально обсудил состояние Института этнографии и наметил основные мероприятия для перестройки его работы³. Институту было разрешено организовать Московскую группу, во главе которой встал вновь назначенный директор Института, недавно оправившийся после ранения С. П. Толстов. Работа этой группы на многие годы определила не только пути развития Института, но и всей советской этнографической науки. Ко времени ее организации в Москве по существу не было крупных этнографических учреждений. Музей народов СССР и Антирелигиозный музей были свернуты и впоследствии переведены в Ленинград. Университет был эвакуирован, и возвращение его в Москву только начиналось.

Пожалуй, наиболее неотложной была задача восстановления кадров научных работников Института, понесших, как мы видели, во время войны огромные, невосполнимые до конца потери. С. П. Толстову удалось организовать на первых порах небольшую группу, привлечь к работе в Институте опытных ученых-этнографов, рассеянных в ту пору по другим учреждениям. Под их руководством началась интенсивная подготовка кадров этнографов.

При Академии наук СССР существовала в те годы не только аспирантура, но и докторантура. Уже к концу 1943 г. в Московской группе Института насчитывалось 10 докторантов и 13 аспирантов, в Ташкентской группе — 1 аспирант. Среди них были недавние фронтовики, еще не успевшие снять свои военные шинели, и, кроме того, бывшие музейные работники и преподаватели, ранее занимавшиеся этнографией. Через год в Институте было 12 докторантов и 22 аспиранта, а к концу 1945 г. — 13 докторантов и 29 аспирантов (в том числе в Ленинграде 2 докторанта и 7 аспирантов)⁴. Следует сказать, что набранные в те годы (зачастую с нарушением установленных возрастных норм) аспиранты и докторанты в подавляющем большинстве успешно защитили диссертации, внесли большой вклад в развитие этнографической науки и в течение ряда лет составляли основной костяк работников Института; некоторые из них и в настоящее время возглавляют его ведущие сектора⁵. Одним из важнейших условий их успешной подготовки было то, что буквально с первых дней вступления в коллектив Института аспиранты и докторанты, помимо выполнения своей учебной программы, активно

³ Постановление Президиума АН СССР № 11 от 22 декабря 1942 г., Архив АН СССР, ф. 2, оп. 6а, д. 35, л. 170.

⁴ См. Отчеты о работе Института этнографии за 1943, 1944 и 1945 гг., Архив Института этнографии АН СССР, Москва (далее Архив ИЭ), ф. 1, оп. 1, д. 8, л. 4 об; д. 25, л. 6; д. 45, л. 5.

⁵ Из сотрудников, зачисленных в штат или в аспирантуру и в докторантуру в годы войны и в первые послевоенные годы, до настоящего времени работают в Институте Ю. П. Аверкиева, Б. В. Андрианов, В. Н. Белицер, М. Я. Берзина, В. В. Бунак, Г. П. Васильева, Я. Р. Винников, М. Г. Воробьева, С. П. Русьякина, В. К. Гарданов, Б. Г. Гершкович, И. С. Гурвич, Н. Р. Гусева, Т. А. Жданко, Б. А. Калоев, В. Ю. Крупянская, Н. М. Листова, К. В. Малинина, Г. С. Маслова, Л. Ф. Моногорова, А. И. Першиц, Э. В. Померанцева, М. Г. Рабинович, М. Я. Салманович, В. К. Соколова, Я. С. Смирнова, Г. Г. Стратанович, С. А. Токарев, С. П. Толстов, Т. А. Трофимова, Н. Н. Чебоксаров, З. Я. Черняков, М. Н. Шмелева, К. В. Якимова (Москва); Л. П. Потапов и Т. В. Станюкович (Ленинград). С. М. Абрамзон, В. В. Антропова, Г. А. Гловацкий, С. В. Иванов, Л. И. Лавров, Д. А. Ольдерогге, Т. Л. Юзепчук работали в Институте этнографии (Ленинград) и до войны.

включались в те срочные работы, которых требовала от советских этнографов военная обстановка.

Институт этнографии собирал специалистов-этнографов также помимо аспирантуры и докторантуры. Если ко времени реорганизации Института в нем было всего 27 научных сотрудников, то к концу 1943 г. их стало 42, в декабре 1944 г. — 50, а еще через год — 65⁶. Можно сказать, что к концу Великой Отечественной войны подавляющее большинство ведущих ученых-этнографов Москвы и Ленинграда (реэвакуация уже завершилась полностью) сосредоточилось в Институте этнографии АН СССР.

Все эти меры позволили Институту уже в 1943 г. активно включиться в выполнение срочных заданий. На первое место в работах Института выдвинулись проблемы этнического состава населения мира. Если раньше этнографы занимались преимущественно вопросами общей этнографии и изучением народов, находящихся на относительно низких ступенях развития, то теперь в результате разгрома Советской армией гитлеровских захватчиков, в обстановке успешно завершающейся войны и подготовки мирных переговоров потребовалось обратиться к исследованию этнического состава населения стран Европы, Азии, отчасти и Африки.

В Институте был выполнен, в частности, важный цикл работ по изучению этнического состава стран, «представляющих интерес во время войны и после победы над фашизмом» (так эта тематика была сформулирована в плане Института). Особое внимание, разумеется, было уделено западной и юго-восточной частям территории СССР и сопредельных стран. Для выполнения работ создавались специальные бригады этнографов, демографов, картографов, возглавлявшиеся наиболее авторитетными учеными. В частности, П. И. Кушнером была разработана новая для науки методика определения этнографических территорий на основе не только языка и религии, как это делалось раньше, но и целого комплекса признаков чисто этнографических, связанных с веками складывавшейся материальной и духовной культурой народа. Эта методика не потеряла своего значения и до настоящего времени⁷.

В ходе выполнения заданий директивных органов активнее восстанавливались, расширялись и укреплялись нарушенные войной деловые связи и научные контакты между различными этнографическими учреждениями нашей страны. Так, для разработки проблем, связанных с уточнением некоторых этнических границ, были привлечены находившиеся в ту пору в эвакуации этнографы и историки Белоруссии и Литвы: М. Я. Гринблат, Ю. Жюжда, П. Пакарклис и др. В этих совместных работах крепло научное сотрудничество, вылившееся в постоянную тесную связь этнографических учреждений Академий наук союзных республик и Академии наук СССР.

Уже в те трудные военные годы Институт приступил к такому важному обобщающему научному труду, каким явилась известная впоследствии серия этнографических очерков «Народы мира». Еще до войны Институт предполагал издать краткий справочник о народах, населяющих земной шар. Теперь перед коллективом стояли совершенно иные, более обширные и важные задачи — противопоставить устарелым, преимущественно немецким теориям общего народоведения фундаментальное советское издание, содержащее новые материалы по этнографии мира и построенное на основе методологии исторического материализма; дать советскому читателю — этнографу, антропологу, историку, географу, экономисту, педагогу высшей и средней школы, студенту, аспиранту — подробные, опирающиеся на новейшие источники, хорошо проверенные

⁶ Архив ИЭ, ф. 1, оп. 1, д. 8, л. 4 об.; д. 25, л. 6; д. 45, л. 4 об.

⁷ П. И. Кушнер (Кнышев), Этнические территории и этнические границы. М., 1951. Эта работа, как и многие другие, написанные в годы войны, была опубликована уже в послевоенные годы.

создания об этническом составе стран и культурно-бытовых особенностях отдельных народов. Издание было задумано первоначально как девяти-томник⁸. Первый том предполагалось посвятить общим проблемам (таким, как классификация народов мира, история формирования основных этнических, антропологических и лингвистических групп человечества), а остальные восемь томов — характеристике народов по частям света. Решено было, что эти тома будут включать монографическое описание культуры и быта всех основных этнических групп населения, причем большое место будет уделено проблемам этногенеза, этнических взаимоотношений и культурно-исторической роли каждого из народов. Общеизвестно, что работа над этим огромным обобщающим трудом велась в течение ряда лет, и результатом ее стала восемнадцатитомная серия, высоко оцененная в Советском Союзе и за рубежом. Но не все хорошо знают, что не только программа ее была задумана и разработана, но даже и составление некоторых томов (например, тома «Народы Средней Азии и Казахстана») далеко продвинулось еще в тяжелых условиях войны и эвакуации, — в Москве, Ташкенте и Ленинграде.

Значительное место в работе Института в те годы занимали проблемы происхождения народов. При Институте работала Комиссия АН СССР по этногенезу. Еще в 1943 г. в Москве с успехом прошла сессия, посвященная этногенезу славян, в которой приняли участие этнографы, историки, археологи и антропологи, представляющие многие научные учреждения.

Очень остро стояла в военные годы проблема борьбы с расизмом. В это время, пожалуй, не меньшую важность, чем специальные исследования, приобретала повседневная культурно-просветительная деятельность. Сотрудники Института опубликовали тогда множество научно-популярных статей в различных изданиях, прочли сотни лекций для широкой аудитории.

Разработка проблем этногенеза и напряженная борьба с расизмом как идеологией гитлеровцев настоятельно требовали новых антропологических исследований. Под руководством В. В. Бунака в Москве был создан Отдел антропологии, в который вошли такие крупные исследователи, как Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин, Т. А. Трофимова, Н. Н. Чебоксаров, уже зарекомендовавшие себя работами в области этнической антропологии. Позднее под руководством В. В. Гинзбурга возобновилась антропологическая работа Ленинградской части Института, где в Музее антропологии и этнографии были издавна сосредоточены ценнейшие антропологические коллекции.

Условия военного времени не остановили работы по монографическому изучению отдельных (советских и зарубежных) народов. Наиболее типичной темой докторских (а иногда и кандидатских) диссертаций было всестороннее монографическое изучение одного народа, построенное, как правило, на материалах, собранных в прошлом самим автором⁹. Монографии такого рода (в большинстве своем изданные уже в послевоенные годы) заложили прочный фундамент для дальнейшего развития многих аспектов этнографической науки.

⁸ Тогда же была впервые сформирована редакционная коллегия этого труда во главе с С. П. Толстовым. В нее вошли М. О. Косвен, В. В. Бунак, Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин, Д. А. Ольдерогге, Н. Н. Степанов, С. А. Токарев. См. М. Г. Рабинович, Институт этнографии в годы Великой Отечественной войны, «Сов. этнография», 1946, № 1, стр. 227.

⁹ Например, в 1944 г. велась работа над следующими монографиями: М. В. Степанов — «Эскимосское население Аляски»; Ю. П. Аверкиева — «Индейцы северо-западной Америки»; Е. М. Шиллинг — «Кубачинцы»; Л. П. Потапов — «Алтайцы»; В. Н. Чернецов — «Обские угры»; О. В. Ионова — «Якуты»; Е. С. Зевакин — «Адыгейцы»; Д. К. Зеленин — «Чехи». Тогда же началась подготовка монографии «Восточные славяне» (авторский коллектив возглавляли С. П. Толстов, Б. А. Рыбаков, В. В. Богданов и П. Г. Богатырев), Архив ИЭ. ф. 1, оп. 1, д. 25, лл. 12—13.

Значительно продвинулось вперед исследование различных аспектов общей этнографии. В частности, работы М. О. Косвена по проблемам матриархата, ранней истории семьи и брака, о которых речь пойдет ниже, создавались в 1943—1948 гг.

Еще в эвакуации развернулась интенсивная работа по этнографическому изучению народов Средней Азии. Несмотря на трудные условия, продолжались полевые исследования, проводились научные заседания и сессии. Этнографы занимались не только коренным населением, но и русскими старожилами (например, Е. Э. Бломквист). Работа велась в тесном контакте со среднеазиатскими этнографами.

Нельзя не упомянуть и еще об одном новом важном направлении в работе Института — фольклорных исследованиях. В военные годы была создана Комиссия по фольклору под руководством П. Г. Богатырева¹⁰.

В последующие годы экспедиционная работа Института постепенно расширялась. Если в 1943 г. в поле выезжали лишь отдельные сотрудники, то в 1944 г. были уже организованы и настоящие этнографические экспедиции на Кавказ, Украину, в Московскую область, а в 1945 г. работала комплексная Чукотская экспедиция, положившая начало многолетнему систематическому изучению этого наиболее отдаленного района нашей страны. В том же году возобновила свои работы комплексная Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция (до войны, в 1937—1940 гг., она работала как археологическая). Важные полевые работы проводили также антропологи, получившие возможность широкого исследования многих этнических групп, ранее не изучавшихся¹¹. Весьма важной чертой полевых работ Института стала комплексность — сочетание этнографических, антропологических и археологических исследований¹². Всего в 1945 г. Институтом было организовано 14 экспедиций, охвативших территорию Советского Союза от Западной Украины до Чукотского полуострова и от южных областей Таджикистана до северных районов Коми. В экспедициях участвовало свыше 80 штатных и внештатных научных сотрудников.

Необходимо отметить, что именно в дни Великой Отечественной войны Институт этнографии стал одним из важных центров живого научного общения ученых. В Москве и в Ташкенте регулярно проводились еженедельные заседания Ученого совета Института, секторов и групп с научными докладами и сообщениями, привлекавшими не только сотрудников Института, но и широкую научную общественность. Так, в 1943 г., самом тяжелом для Института, состоялись 164 заседания, на которых было заслушано и обсуждено 152 научных доклада, в 1944 г. — свыше 150 заседаний со 130 докладами, в 1945 г. — 124 доклада¹³. Сохранившиеся протоколы заседаний свидетельствуют об оживленных прениях, развертывавшихся едва ли не по каждому докладу. Многие доклады вошли потом в виде статей в подготовленные Институтом сборники «Советская этнография» (тт. VI—IX) и сборники Музея антропологии и этнографии. Материалы научной сессии, посвященной столетию со дня рождения Д. Н. Анучина, составили первый том новой серии Трудов Института. Когда в 1946 г. возобновилось издание журнала «Советская этнография», его портфель был заполнен на несколько лет вперед.

¹⁰ О деятельности Комиссии см. В. К. Соколова, Из истории изучения фольклора Великой Отечественной войны, «Сов. этнография», 1975, № 3.

¹¹ Дагестанской экспедицией руководил Е. М. Шиллинг, Полтавской — Н. Н. Чебоксаров, Подмосковной — В. И. Чичеров и Н. Н. Чебоксаров, Чукотской — Г. Ф. Дебец, Хорезмской — С. П. Толстов. См.: М. Г. Рабинович, Указ. раб., стр. 234—235; «Археологические экспедиции 1919—1956 гг. Указатель», М., 1962, № 308.

¹² М. Г. Левин, Полевые исследования Института этнографии в 1945 г., «Сов. этнография», 1946, № 1.

¹³ Архив ИЭ, ф. 1, оп. 1, д. 8, л. 13; д. 25, л. 24; д. 45, лл. 17—22; д. 50, лл. 1—16.

Ко времени окончания Великой Отечественной войны Институт этнографии снова стал крупным научным учреждением. В нем работали 2 члена-корреспондента Академии наук СССР, 12 докторов и 25 кандидатов наук¹⁴. За время войны 4 сотрудника защитили докторские и 7 — кандидатские диссертации.

Важным событием, последовавшим вскоре после победы в Великой Отечественной войне, было празднование 220-летнего юбилея Академии наук СССР. К этому юбилею открыл свои двери Музей антропологии и этнографии — одно из старейших научных учреждений нашей страны. Устроенная в Музее экспозиция была восторженно принята участниками юбилейных торжеств. Высокую оценку получила и вся работа коллектива Института в годы Великой Отечественной войны. В связи с юбилеем Академии наук СССР 21 сотрудник Института был награжден орденами и медалями¹⁵.

* * *

Победоносное завершение Великой Отечественной войны поставило перед советскими этнографами новые трудные, но почетные задачи. Среди них одной из первоочередных была организационная. Начатое еще в последний период войны собрание научных кадров было — под энергичным руководством С. П. Толстова — продолжено. Уже в первые послевоенные годы Московская группа Института этнографии выросла в центр этнографической работы: в него постепенно вливались демобилизованные из армии и вернувшиеся из эвакуации этнографы. Пополнялось и Ленинградское отделение Института. Уже в 1948 г. Московское и Ленинградское отделения Института этнографии насчитывали свыше 80 научных работников (в том числе 15 докторов и 36 кандидатов наук).

Самые неотложные задачи диктовала жизнь — послевоенная международная обстановка. Решались в международном масштабе большие политические вопросы: восстановление в Европе государственных границ, нарушенных гитлеровской агрессией, удовлетворение справедливых требований наций, наиболее пострадавших от этой агрессии (Польша, Чехословакия, Югославия). Для этого необходимо было серьезно изучить этнический состав населения пограничных территорий и смешанных по национальному составу регионов — прежде всего в Европе. Этнографы должны были помочь своими знаниями этому важному делу. Работа, начатая еще в годы войны, была продолжена и расширена. Разрабатывались статистические, картографические и прочие документальные данные по этническим рубежам; уточнялись польско-украинская, украинско-словацкая, литовско-немецкая, итало-словено-хорватская, венгеро-румынская, болгаро-сербская и другие этнические границы. В период подготовки мирных договоров советские этнографы участвовали в качестве экспертов в деятельности Комиссии четырех держав по установлению новых границ. Но эта работа, неотложная с практической стороны, требовала и углубленного, чисто научного исследования. Следовало теоретически обосновать самые понятия «этническая граница», «этническая территория», «этнический состав населения». Эта задача легла на плечи окрепшего уже коллектива этнографов. Как уже отмечалось, П. И. Кушнер еще во время войны глубоко разработал методологические основы для решения этой задачи¹⁶, позволившие создать методике составления этнических карт. В дальнейшем была составлена целая серия этнических карт — в этом советские этнографы далеко опере-

¹⁴ М. Г. Рабинович, Указ. раб., стр. 233.

¹⁵ Архив ИЭ, ф. 1, оп. 1, д. 45, л. 26 об.

¹⁶ П. И. Кушнер, Указ. раб.

дили своих зарубежных коллег. Так сложилось целое направление в науке — этническая география.

Но все это было только небольшой частью начатой работы. Ведь надо было исправить не только границы: огромный ущерб был нанесен нацистами культурным сокровищам народов. Чтобы восполнить эти потери, опять-таки было необходимо глубоко изучить культурно-бытовые традиции народов и европейских, и внеевропейских стран. Больше всего пострадали от нацистов славянские народы — ведь гитлеровские захватчики отказывали им даже в праве на самостоятельную культурную жизнь, третировали их как людей второго сорта. Поэтому изучение братских западно- и южнославянских народов, их культурных достижений, их вклада в мировую культуру было очень важно и в чисто научном и в общественно-политическом плане. А как раз по славянской этнографии — особенно по славянам, живущим за пределами СССР — специалистов у нас в довоенные годы почти не было; пришлось их срочно готовить. Уже в конце 40-х годов появились первые фольклорно-этнографические публикации по южным и западным славянам; позже этнографическая славистика вырастает у нас в особую область знаний¹⁷. Расширилось изучение материальной и духовной культуры восточнославянских народов — русских, белорусов, украинцев. В этой области работали опытные этнографы: Е. Э. Бломквист, Н. П. Гринкова, Н. И. Лебедева, Г. С. Маслова и другие¹⁸.

Этнографическое изучение народов Европы не могло, однако, ограничиться славянскими народами, — ведь они составляют неотделимую часть европейского культурного единства. Внутренняя логика науки требовала идти дальше — изучать сравнительно-историческим методом и другие — германоязычные, романоязычные и прочие этнические группы Европы. В первые послевоенные годы закладываются у нас основы новой — не существовавшей прежде (ни у нас, ни за рубежом) отрасли знания — этнографической европеистики. Первые плоды ее, однако, появились позже¹⁹.

Аналогичные исследования развертывались, конечно, и по другим регионам: по Передней Азии, Южной Азии, Восточной и Юго-Восточной Азии, Африке, Америке, Океании. Проблематика исследований была чрезвычайно разнообразной — ее даже трудно систематизировать: широкий спектр проблем от этногенеза народов до вопросов современного национального развития, от систем родства до расшифровки древней письменности.

Само собой разумеется, что и этнографическое изучение народов Советского Союза продолжалось нарастающими темпами. Помимо уже упомянутых восточнославянских народов, предметом интенсивного изучения были — и остаются — народы других регионов СССР: Прибалтики, Поволжья, Кавказа, Средней Азии, Сибири, включая Крайний Север. Здесь важно отметить установившееся и все более крепнувшее сотрудничество московских и ленинградских этнографов с местными исследователями, которые сгруппировались вокруг республиканских академических институтов и других научных учреждений (кафедры университетов, музеи). Были организованы десятки совместных экспедиций — зачастую комплексных, с этнографическими, антропологиче-

¹⁷ «Славянский фольклор. Материалы и исследования по исторической и народной поэзии славян», «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее ТИЭ), т. XIII, М., 1951; «Славянский этнографический сборник», ТИЭ, т. LXII, М., 1960.

¹⁸ «Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — нач. XX в.», ТИЭ, т. XXXI, М., 1956; С. А. Токарев, Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в., Л., 1957.

¹⁹ См. «Народы зарубежной Европы» («Серия народы мира. Этнографические очерки»), тт. I—II, М., 1964—1965; этому изданию предшествовал ряд более частных публикаций.

скими, археологическими отрядами: некоторые из них многолетние. Особенно много дала Хорезмская комплексная экспедиция под руководством С. П. Толстова; плодотворными были Киргизская, Таджикская, Северокавказская, Прибалтийская, Мордовская, Северовосточная и ряд других экспедиций.

Уже в первые послевоенные годы начали появляться, помимо многочисленных статей, солидные монографии по разным народам и регионам СССР, с самой разнообразной тематикой: по материальной и духовной культуре народов, по их семейному быту, народному искусству, по вопросам этногенеза и этнической истории и по другим проблемам²⁰.

Остановимся коротко на некоторых из этих проблем.

Вопросы этногенеза — происхождения народов — ставились в этнографической науке испокон веков, но ставились чисто эмпирически — на основе данных только языка или антропологического типа. Первые попытки теоретически обосновать эту проблему были сделаны советскими учеными в годы войны²¹ и в первые послевоенные годы²². Продуманному решению этих проблем мешало, однако, в те годы чрезмерное увлечение идеями Н. Я. Марра в области изучения языков (Марр принципиально отрицал даже законность самой постановки вопроса о происхождении народов); не употреблялись в те годы сами термины «прародина», «праязык». Лишь позднее удалось исследователям этногенеза народов выйти на путь всесторонней разработки этих проблем²³.

В послевоенные годы была впервые поставлена и другая жизненно важная проблема: изучение современных процессов этнического и национального развития. Два пути вели к решению этой проблемы: от изучения этнического состава населения пограничных территорий, и от изучения этногенеза и этнической истории, — ибо тут сам собой рождался вопрос: а куда было направлено и куда сейчас направляется этническое развитие? Но главное — то, что и тут сама жизнь требовала от этнографов ответа на важнейшие вопросы: ведь как раз в первые послевоенные годы расширяется и углубляется национальное движение в колониях и

²⁰ Назовем некоторые исследования: Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, М.—Л., 1948; А. А. Попов, Нганасаны, ТИЭ, т. III, М.—Л., 1948; Е. М. Шиллинг, Кубачинцы и их культура, ТИЭ, т. VIII, М.—Л., 1949; Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков, ТИЭ, т. IX, М.—Л., 1950; В. Н. Белицер, Народная одежда удмуртов, ТИЭ, т. X, М.—Л., 1951; М. А. Сергеев, Некапиталистический путь развития малых народов Севера, ТИЭ, т. XXVII, М.—Л., 1955.

²¹ См., например: С. П. Толстов, Проблема происхождения индоевропейцев и современная этнография и этнографическая лингвистика, «Краткие сообщения Ин-та этнографии» (далее КСИЭ), вып. I, 1946; А. Д. Удадьцов, К вопросу о происхождении индоевропейцев, там же; его же, Основные вопросы этногенеза славян, Сб. «Сов. этнография», т. VI—VII, 1947.

²² С. А. Токарев, К постановке проблем этногенеза, «Сов. этнография», 1949, № 3.

²³ См. работы М. Г. Левина: «О происхождении и типах упряжного собаководства», «Сов. этнография», 1946, № 4; «Антропологические типы Охотского побережья», ТИЭ, т. II, М.—Л., 1947; «К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии», КСИЭ, вып. II, М., 1947; «Антропологический тип якутов», КСИЭ, вып. III, М., 1947; «Краниологические типы чукчей и эскимосов», Сб. МАЭ, т. X, Л., 1949; «Проблема происхождения Homo sapiens в советской антропологии», КСИЭ, вып. IX, М., 1950; «Антропологические типы Сибири и Дальнего Востока (К проблеме этногенеза народов Северной Азии)», «Сов. этнография», 1950, № 2; «К вопросу о древнейшем заселении Сибири», «Сов. этнография», 1950, № 3; «Древние переселения человека в Северной Азии по данным антропологии», сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», ТИЭ, т. XVI, М.—Л., 1951. См. работы Н. Н. Чебоксарова: «Этногенез коми по данным антропологии», «Сов. этнография», 1946, № 2; «Этническая антропология Германии», КСИЭ, вып. I, М., 1946; «К вопросу о происхождении китайцев», «Сов. этнография», 1947, № 1, «Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии», ТИЭ, т. II, М.—Л., 1947; «Северные китайцы и их соседи», КСИЭ, вып. V, М., 1949; «К вопросу о происхождении народов угро-финской языковой группы», «Сов. этнография», 1952, № 1. См. также работы, опубликованные позднее: М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, ТИЭ, т. XXXVI, М., 1958; его же, К проблеме этногенеза тунгусов, М., 1960.

недавно освободившихся странах. И эти движения (в Индонезии, Индии, в Индокитае, в Африке и пр.) неминуемо упирались в задачи национальной консолидации, преодоления племенной розни, трибализма, языковой пестроты. Конечно, не случайно данная проблема была поставлена прежде всего на материале народов Африки — региона, где национально-освободительное движение приняло в те годы наиболее массовые формы ²⁴.

Работы советских этнографов по изучению культуры, быта и этнического развития народов колониальных стран, — еще недавно казавшихся столь далекими, — столкнули нас с параллельными исследованиями буржуазных зарубежных этнографов и тем самым с иными, чуждыми нам теоретическими построениями. Потребовалось определить свое к ним отношение. А эти теоретические построения оказались тесно связанными с режимом колониального управления: в колониях бывшей Британской империи теоретической базой системы управления был «функционализм», на подопечных территориях США — «этно-психологическая школа», а местами и замаскированный расизм, казалось бы, разгромленный в антифашистской освободительной борьбе европейских народов.

В связи с этим перед советскими учеными встала задача прямой и принципиальной критики этих теоретических концепций буржуазной науки, идейно и организационно связанных с системой колониализма. Предметом критики стал прежде всего функционализм (Б. Малиновский) и этно-психологическая школа (А. Кардинер и др.). Острые критические выступления Ю. П. Аверкиевой, Н. А. Бутинова, Д. А. Ольдерогге, И. И. Потехина и др. обнажали реакционную политическую сущность теоретических основ колониализма. Правда, в пылу полемики оставались незамеченными положительные стороны деятельности и взглядов некоторых зарубежных ученых. Но исправление допущенных полемических «перегибов» было делом будущего.

Задача критического размежевания с зарубежными этнографическими школами вызвала необходимость критического пересмотра того идейного наследства, которое досталось нам, советским этнографам, от наших дореволюционных предшественников. В довоенные годы к этому наследству не особенно присматривались: научные заслуги прогрессивных русских ученых были мало кому известны. В первые послевоенные годы появились в печати историографические очерки, статьи и целые книги о деятельности и научных взглядах крупных русских ученых прошлого: С. П. Крашенинникова, К. Э. Бэра, Д. Н. Анучина, В. В. Богданова и др. Большое научное значение имела солидная публикация трудов выдающегося путешественника и прогрессивного ученого Н. Н. Миклухо-Маклая (имя которого было в 1947 г. присвоено Институту этнографии) ²⁵.

Продолжалась в те годы и работа над проблемами первобытнообщинного строя, — но эти проблемы в довоенные годы занимавшие чуть ли не первое место в этнографической тематике, теперь отступили на задний план, что и понятно ввиду чрезвычайной важности и актуальности других, указанных выше вопросов. В эти годы вышли в свет труды видного специалиста по истории и этнографии первобытного общества

²⁴ См., напр.: Д. А. Ольдерогге, Хамитская проблема в африканистане, «Сов. этнография», 1949, № 3; его же, Происхождение народов Центрального Судана (из древнейшей истории языков группы хауса-котоко), «Сов. этнография», 1952, № 2; С. Р. Смирнов, Восстание махдистов в Судане, ТИЭ, т. VI, М.—Л., 1950; его же, Английская политика косвенного управления в юго-восточной Нигерии, «Сов. этнография», 1950, № 3, а также соответствующие разделы в кн.: «Народы Африки», М., 1954. В первые послевоенные годы началась подготовка капитальных трудов, увидевших свет позднее, см.: И. И. Потехин, Формирование национальной общности южноафриканских банту, ТИЭ, т. XXIX, М., 1955; Д. А. Ольдерогге, Западный Судан в XV—XIX веках. Очерки по истории и истории культуры, ТИЭ, т. LIII, М.—Л., 1960.

²⁵ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., тт. I—V, М.—Л., 1950—1954.

М. О. Косвена²⁶. Можно назвать также ряд работ С. П. Толстова, Ю. М. Лихтенберг, Д. А. Ольдерогге, Н. А. Кислякова, Н. А. Бутинова и других.

С большими и разнообразными задачами, поставленными перед этнографами, нельзя было соразмерить относительную малочисленность в те годы обученных кадров. По некоторым жизненно важным специальностям их совсем не было: не было этнографов-европеистов, не было специалистов по Ближнему Востоку (арабские, иранские и другие народы), почти не было по Индии, по Советской Прибалтике, по республикам Закавказья. Противоречие пытались разрешить или смягчить временной мерой: срочной переквалификацией части старых этнографов на новые специальности. Но это не решало проблему. Поэтому было принято другое решение: срочная и широкая подготовка молодых кадров.

В 1943 г. возобновилась деятельность (также под руководством С. П. Толстова) Кафедры этнографии на Историческом факультете МГУ; открылась Кафедра этнографии и в Ленинградском университете. За 1944—1953 гг. кафедра этнографии МГУ выпустила около 120 молодых специалистов, из которых значительная часть осталась работать в области этнографии. Особенно много молодых ученых втянулось в научную деятельность через аспирантуру. Никогда, ни раньше, ни позже, не имел Институт этнографии столько аспирантов (а также докторантов), как в эти первые послевоенные годы. В 1946 г. аспирантуру при Институте закончили 10 человек, вновь принято в аспирантуру 15 человек; к началу 1947 г. числилось 34 аспиранта и 10 докторантов. В 1949 г. в Институте было уже 37 аспирантов (в том числе в основной аспирантуре — 24). Это была буквально массовая подготовка молодых кадров этнографов по широкому спектру специальностей,— и она была необходима.

Сразу же после войны были предприняты попытки восстановить научные связи советских этнографов с зарубежными коллегами. И не только восстановить, но и расширить их. Эта задача стала особенно актуальной благодаря победе народно-демократического, социалистического строя в ряде стран Юго-Восточной и Центральной Европы. Этнографы в СССР считали делом чести оказание идейной помощи ученым социалистических стран. Совершались поездки в ряд социалистических стран для чтения лекций и докладов, обмена опытом, участия в конференциях. Ученые из братских стран приезжали к нам.

* * *

В начале 1951 г. был подведен некий итог развитию советской этнографии в военные и первые послевоенные годы; в Москве состоялось Всесоюзное этнографическое совещание²⁷. Это был первый, очень представительный, массовый послевоенный форум этнографов. В нем участвовали ученые всех союзных республик, принадлежавшие к 23 национальностям; представлены были 10 Академий наук союзных республик, 9 филиалов Академии наук СССР, 7 университетов, 23 музея. В установочном докладе С. П. Толстова и в некоторых других докладах были подытожены достижения протекших лет, отмечены заслуги этнографов

²⁶ См. работы М. А. Косвена: «Из истории проблемы матриархата», «Сов. этнография», 1946, № 1; «К проблеме группового брака», КСИЭ, вып. 1, М., 1946; «Амазонки (история легенды)», «Сов. этнография», 1947, № 2—3; «Семейная община (к истории вопроса)», «Изв. АН СССР. Серия истории и философии», т. III, № 4, 1948; «Матриархат. История проблемы», М.—Л., 1948; «Очерки истории первобытной культуры», М., 1953.

²⁷ См. Т. А. Жданко, Этнографическое совещание 1951 года, «Сов. этнография», 1951, № 2, стр. 221.

в изучении актуальных проблем, а также выдвинуты новые проблемы, до тех пор почти не привлекавшие внимания этнографов: прежде всего проблемы изучения нового колхозного быта, этнографического изучения городского населения и в особенности — рабочих.

Советская этнографическая наука вступала в новый период.

**THE INSTITUTE OF ETHNOGRAPHY [USSR ACADEMY OF SCIENCES]
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR
AND IN THE FIRST POST-WAR YEARS**

The article deals with the reorganization of the Institute's work in the difficult war years, with the measures taken for restoring war losses, for training specialists in ethnographical research. The basic research fields of the Institute are reviewed. These were: studying the ethnic composition of the population of the world; compiling wide-scope ethnographical studies (it was at that time that work on the «Peoples of the World» series was started); combating racist theories; investigating problems of ethnogenesis, etc. These and other important works were begun (and some of them completed) in those years.
